

НАУЧНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПЕДАГОГА П. Ф. КАПТЕРЕВА ВОРОНЕЖСКИМИ ИСТОРИКАМИ И КРАЕВЕДАМИ

Л. Э. Заварзина

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 31 октября 2013 г.

Аннотация: *статья посвящена творческому наследию и многогранной деятельности выдающегося педагога П. Ф. Каптерева.*

Ключевые слова: *П. Ф. Каптерев, педагогика и политика, воронежские историки и краеведы, научная реабилитация.*

Abstract: *the article is devoted to creative activity and heritage of the outstanding educationist Kapterev.*

Key words: *P. F. Kapterev, pedagogy and policy, Voronezh historians and ethnographers, science rehabili-ty.*

Петр Федорович Каптерев (1849–1922) является одним из титанов отечественной педагогической мысли. Его педагогическое творчество поражает масштабностью направлений, разнообразием тем. Он был крупнейшим специалистом в области дидактики, методики преподавания, школьного обучения, теоретиком и историком педагогики, одним из основоположников отечественной педагогической психологии, семейной педагогики, общественного дошкольного воспитания, тендерного подхода в образовании. Будучи председателем учебного комитета ведомства учреждений императрицы Марии, он приобрел богатейший опыт управления образовательными учреждениями. Уникален его опыт как педагога-практика – на протяжении полувека он преподавал в школах всех типов: духовной и светской, закрытой и открытой, частной и государственной, царской и советской, мужской, женской и смешанной, средней общеобразовательной, средней специальной, высшей. Каптерев активно решал сложные в теоретическом и практическом плане вопросы профессиональной подготовки учителей начальной и средней общеобразовательной школ.

Труды П. Ф. Каптерева («Педагогический процесс», «Дидактические очерки. Теория образования», «История русской педагогики», «Задачи и основы семейного воспитания», «Об общественно-нравственном развитии и воспитании детей», «Новая школа в новой России», «Единая всеобщая школа», «Педагогика и политика», «О педаго-

гическом образовании» и др.) стали прочным фундаментом российской педагогической науки.

Современники называли его «талантливым и глубоко сведущим исследователем», одним «из лучших знатоков предмета», одним «из самых выдающихся современных русских педагогов-психологов» [1, с. 154; 2, с. 78; 3, с. 388].

Осенью 1918 г. профессор П. Ф. Каптерев вынужден был покинуть голодный и холодный Петроград и уехал в Острогожск Воронежской губернии. Он сразу включился в профессиональную деятельность: вначале был разъездным инструктором в Уездном отделе народного образования, а с 1 января 1919 г. стал заведовать дошкольным подотделом в УОНО, а также преподавать психологию и педагогику в 1-й и 2-й единых трудовых школах (бывших мужской и женской гимназиях). В декабре этого же года он стал преподавателем Острогожского Института народного образования (бывшей учительской семинарии). В январе 1920 г. это учебное заведение опять было реорганизовано и переименовано в Острогожские педагогические 3-годичные курсы; председателем Совета курсов, их заведующим был утвержден П. Ф. Каптерев. Он же преподавал педагогику и психологию в объеме 14 недельных часов [4].

Общественная деятельность П. Ф. Каптерева в Острогожске была чрезвычайно насыщенной: он был председателем Народного университета, возглавил Педагогические курсы для школьных работников единой трудовой школы 1-й ступени, участвовал в других мероприятиях, проводимых городской властью. Несмотря на огромную прак-

тическую деятельность, Каптерев в это время написал несколько больших статей, в которых дал оценку происходящим в образовании изменениям, стремился показать, как, с его точки зрения, необходимо преобразовывать школу, если считать ее педагогическим учреждением, а не орудием коммунистического перерождения общества (см. статьи Каптерева советского периода [5]).

Летом 1921 г. П. Ф. Каптерев переехал в г. Воронеж. Почти одновременно с избранием его профессором факультета общественных наук ВГУ он был избран профессором кафедры педагогики Института народного образования. 1 сентября 1921 г. коллегия Губнаробраза приняла решение ликвидировать это учебное заведение. Задачи педагогического образования возлагались на вновь организованный педагогический техникум, призванный готовить работников дошкольных учреждений и учителей для школ 1-й ступени, и на педагогический факультет ВГУ, где осуществлялась подготовка учителей-предметников для школ II-й ступени. П. Ф. Каптерев возглавил вновь создаваемый Воронежский педагогический техникум и оба отделения (школьное и дошкольное) педагогического факультета ВГУ. Разумеется, он не только возглавлял эти образовательные структуры, но и вел большую преподавательскую работу. А в университете «на факультете общественных наук ему пришлось незадолго до смерти взять на себя исполнение обязанностей декана» [6]. Значительной была и его общественная деятельность. Так, 5 сентября 1921 г. он был зачислен в число постоянных лекторов Губернского коммунистического университета [7]. Кроме того, в ВГУ он «открывает чтения по философским наукам сперва на факультете общественных наук, затем на Педфаке». В ВГУ планировалось также «открыть особое философское общество (в качестве отделения Петроградской Вольной Философской Ассоциации), руководителем и председателем которого предполагался П. Ф. Каптерев. Но этот план неожиданно был расстроен рукою смерти...» [6].

М. К. Демидович – коллега Каптерева вспоминал: «Профессор Каптерев чрезвычайно серьезно интересовался положением дела во вверенном ему и любимом им Педтехникуме и искренне радовался большому наплыву учащихся» [8]. Он также очень сожалел, что многие начатые дела останутся незавершенными, что студенты останутся без преподавателя. Действительно, как писал С. Н. Введенский С. Ф. Платонову, смерть П. Ф. Каптерева – «потеря для ... уни[верситета] тяжелая, так как целый ряд философских и педагогических дисциплин остается незанятым» [9, с. 354].

Петр Федорович Каптерев умер 7 сентября 1922 г. и был похоронен на Чугуновском кладбище г. Воронежа за государственный счет: учли заслуги педагога «перед Республикой», а также его 50-летнюю деятельность «на поприще народного образования» [10, с. 114–115].

«Воронежская коммуна», орган губисполкома и губкома РКП, в течение трех дней (8–10 сентября 1922 г.) публиковала информацию о жизненном пути, смерти и похоронах П. Ф. Каптерева. 9 и 10 сентября в ней были помещены некрологи, написанные М. К. Демидовичем, заместителем Каптерева по Педагогическому техникуму, и С. Н. Введенским, коллегой ученого по ВГУ. С огромной благодарностью вспоминал общественно-педагогическую деятельность П. Ф. Каптерева в Острогожске в 1919–1921 гг. В. Чаплиев, бывший в эти годы заведующим школьным подотделом и членом коллегии Острогожского уездного отдела народного образования. В некрологе, опубликованном в московском журнале «Вестник просвещения» (1922. № 10. С. 194–196), он совершенно искренне и справедливо называл П. Ф. Каптерева крупным педагогом-общественником и подробно описывал его организаторскую, общественную и профессиональную деятельность в годы советской власти.

В 1923 г. было опубликовано еще два некролога П. Ф. Каптерева: в «Журнале психологии, неврологии и психиатрии» (Т. II. С. 290) и в журнале «Русская школа за рубежом» (Кн. 2/3. С. 226–227).

Главпрофобр Наркомпроса выразил Воронежскому университету сочувствие по случаю смерти П. Ф. Каптерева: из отдела высших учебных заведений была прислана в ВГУ телеграмма, где отмечались «выдающиеся заслуги проф. Каптерева как педагога-народника».

Однако вскоре начался процесс забвения, а порой и фальсификации наследия и деятельности выдающегося педагога. Так, статья П. Ф. Каптерева «О школьном самоуправлении учащихся и о школьной дисциплине» вызвала резкую критику Н. К. Крупской. Лидер советского образования, следившая за преобразованием школы из московского кабинета, полагала, что лучше профессора Каптерева знает учащуюся молодежь, и поэтому может утверждать, что выводы автора статьи несправедливы. Критикуя позицию Каптерева, Крупская сознательно не увидела, что в статье неоднократно подчеркивается важность социального воспитания и даны правильные, жизненные рекомендации по осуществлению такого воспитания, зато отметила, что Каптерев резко высказался против организаций, которые носят партийный характер и стремятся навязать партий-

ные принципы молодежи. Эту позицию выдающегося педагога она оставила без комментариев, но, надо полагать, что именно эта точка зрения автора рецензируемой статьи вызвала у нее яростное негодование [11].

Рецензия Н. К. Крупской была опубликована в журнале «На путях к новой школе» (1922. № 2), который вышел в сентябре, когда П. Ф. Каптерев уже завершил свой жизненный путь. Но, думается, что если бы ученый и прочел эту рецензию, он не только не изменил бы своих взглядов, но еще более настойчиво разъяснял бы пагубность подмены педагогики политикой.

Находясь в гуще школьного строительства, П. Ф. Каптерев видел, как школа втягивается в политическую борьбу, а политико-идеологическое воспитание становится приоритетным. Как партия власти буквально сражается за молодое поколение, «стремится переделать все образование в духе своей партийной программы, а педагогов, не согласных с ее программой и реформаторскими стремлениями, объявляет врагами отечества, народа, науки, отсталыми, противниками существующего государственного порядка» [12, с. 43]. Школа, писал он в статье «Педагогика и политика», лишается политическими партиями значения и ценности, «педагогика превращается в простую прислужницу партийной политики, педагог становится проводником политическо-партийных депеш, лишаясь всякой самостоятельности» [там же, с. 44].

Настоящий серьезный педагог, по мнению П. Ф. Каптерева, не имеет права примиряться с таким приниженным положением педагогики и себя самого. Педагог, подчеркивал ученый, является служителем вечных законов развития человека и человечества. Он не должен сворачивать с дороги природы, естественности, органичности. Задача педагога – познать этот прямой царственный путь развития природы и помогать идти по нему молодым поколениям. «Школа не прихвостень политических партий, – смело писал Каптерев в 1921 г., – она выше их, она основывается на вечных законах развития человеческого организма» [19]. У школы свой бог – наука о человеческой природе и ее развитии. Педагогика, подчеркивал он, вообще не политична по своей сути, потому что политик имеет дело с массами, а педагог – с личностями. Личность для политика – нуль, «а для педагога она священна».

У педагогики и политики, уточнял Каптерев, есть «общая точка соприкосновения. Это ответственность» [19]. Педагог не может оставаться безучастным к политике, поскольку он сам и его воспитанники – общественные существа, поэтому

педагог обязан развивать в детях общественность, но не обязан развивать ее в духе какой-либо определенной партии. Политика является лишь частным выражением общественности. Кроме политических интересов, писал Каптерев, существует много других общественных интересов: литературные, экономические, научные, религиозные, спортивные и др.

Всё, что педагог может сделать по отношению к политическим партиям, полагал Каптерев, – это ознакомить старших учащихся на уроках по историко-политическим наукам с задачами и сущностью политических партий, «рассмотреть партийные взгляды критически, но совершенно беспристрастно, объективно, в строго научном духе» [19, с. 46].

Мнение П. Ф. Каптерева относительно задач общеобразовательной школы всегда оставалось неизменным. «Школа не занимается политической пропагандой, как и религиозной», – неоднократно повторял он [19]. Задача школы – развитие и усовершенствование личности, а не примитивная пропаганда большевистской политической грамотности. От этой педагогической максимы ученый не отступил даже в то время, когда в стране господствовали «их величества царь-голод и царица-разруха». В статье «Последняя образовательная реформа» (1922) он писал, что «у педагогики не одно только основание – текущий момент, социальные потребности; у педагогики есть еще другое основание, не менее необходимое и серьезное, именно антропологическое, развитие духовных и физических сил детей и юношей» [13, с. 76]. Воспитание «должно быть антропологично, нужно воспитывать прежде всего человека, а потом гражданина» [там же].

Статья «Педагогика и политика» была признана самым одиозным сочинением П. Ф. Каптерева, ведь советская педагогика считала школу центром идеолого-политического воспитания, а Каптерев утверждал, что «педагогика неполитична по самому своему существу».

После смерти П. Ф. Каптерева прекратилось изучение его творческого наследия. Да и как могла официальная педагогика пропагандировать сочинения такого автора, который утверждал, что критического духа в нашем образовании очень мало, что в нем преобладают религиозный и научный догматизм, вера и авторитет. «В прежние времена, – писал в начале 1921 г. П. Ф. Каптерев, – царил религиозный догматизм и царское правоверие, выражавшиеся в заповеди: верую и исповедую непогрешимость православной церкви и царского абсолютизма. Теперь религиозно-вероисповедный догматизм устранен, а на место цар-

ского абсолютизма стал абсолютизм политических партий, не менее, если не более, свирепый и жестокий, чем царский. Критические умы не в почете, они по-прежнему признаются источниками смуты, ересей, только не религиозных, а политических. В сущности, авторитарный строй школы остался прежний, потому что сменить одного господина на другого все равно значит быть лишенным свободы, права иметь свой взгляд, свое убеждение» [14, с. 4].

Становится понятным, почему трехтомная «Педагогическая энциклопедия» под редакцией А. Г. Калашникова (М., 1927) вышла без упоминания имени П. Ф. Каптерева. В первых изданиях Большой и Малой советских энциклопедий персональная статья о педагоге также отсутствовала. За почти два десятилетия, прошедших после смерти Каптерева, его имя практически не было представлено в педагогической литературе. Исключение составили лишь труды А. П. Пинкевича и Е. Н. Медынского, в которых педагогические взгляды П. Ф. Каптерева характеризовались сплошь негативно [15–17].

Профессор Е. Н. Медынский, рупор официальной педагогики, в своих книгах не только «разоблачал» позицию П. Ф. Каптерева, но и упорно неправильно указывал дату его смерти, «Ошибаясь» на целый год (указывая не 1922, а 1921 г.), Медынский тем самым умалял титаническую деятельность педагога по строительству новой советской школы. Интенсивный воронежский период автоматически исключался из жизни Каптерева. Ошибка в дате смерти педагога была растиражирована. (Она имеет место даже в Большой и Малой советских энциклопедиях, изданных уже в 50-е гг. XX в. [18, с. 86; 19, с. 21]). Власть использовала любые средства для замалчивания заслуг выдающегося педагога. В Москве не могли не знать точной даты смерти Каптерева: кроме провинциальной «Воронежской коммуны», сообщение о его смерти и некролог были опубликованы в «Педагогической мысли», журнале, издаваемом в Петрограде (1922. № 5–6. С. 134–136). Поразительно, но спустя десятилетия современный учебник по истории педагогики вновь повторил эту же ошибку! [20, с. 438].

1940 г. стал переломным в посмертной судьбе П. Ф. Каптерева. Воронежский историк П. М. Кузьмин дал отпор Е. Н. Медынскому, его, по словам автора, антимарксистским извращениям «по отношению к крупному отечественному педагогу П. Ф. Каптереву» [21, с. 142]. Больше всего Кузьмина задел следующий лживый вывод Медынского: «После Октябрьской революции Каптерев занял по отношению к советской

власти резко отрицательную позицию». Кузьмин опроверг это и другие утверждения Медынского, построенные на фальсификации фактов, на выдергивании фраз из контекста. С помощью этих приемов Медынский намеренно извращал суть педагогической концепции Каптерева, создавал неверное, необъективное представление о его деятельности. Ложными заключениями буквально пронизаны главы книг Медынского, в которых анализируются педагогические взгляды Каптерева. Кузьмин писал, что утверждения Медынского голословны, не опираются ни на какие доказательства, тогда как сам Кузьмин поднял архивный материал, провел «беседы с бывшими учениками Каптерева».

Ценность статьи Кузьмина не только в доказательном опровержении огульной критики, допущенной Медынским по отношению к Каптереву, но и в личных свидетельствах людей, знавших педагога, общавшихся с ним. В этом плане статья Кузьмина явилась почти единственной публикацией такого рода. Особый интерес представляет та часть статьи, где автор, опираясь на воспоминания бывших студентов, характеризует Каптерева-лектора. Его лекции отличались системным изложением материала, в них были представлены результаты современных научных исследований, устанавливалась связь между излагаемыми вопросами и родственными вопросами смежных наук. Лекции были всегда точно спланированы во времени и методически хорошо построены. Для лучшего восприятия студентами материала и возможности его конспектирования лектор обычно прибегал к паузам, подчеркивал ключевые идеи повторением. Речь Каптерева была точна, логична и понятна каждому слушателю. Профессор читал лекции с подъемом, эмоционально, заражая своей бодростью и жизнерадостностью студентов.

Уникальны воспоминания М. К. Демидовича, приведенные в статье П. М. Кузьмина. Демидович был не только заместителем Каптерева по Педагогическому техникуму, но и студентом педагогического факультета ВГУ, где он завершал образование, полученное в Виленском учительском институте [22]. Исключительность воспоминаний М. К. Демидовича заключается в том, что один профессиональный педагог, вспоминая, оценивал другого профессионального педагога. Поэтому в этой короткой зарисовке Каптерев предстает и как ученый, и как преподаватель, и, пожалуй, главное, как глубокая, благородная и светлая личность. Демидович не забыл описать и внешность Каптерева (в педагогическом деле это также существенно): «Он был высокого роста, стройный и представительный по наружности» [21, с. 144].

Квинтэссенцией воспоминаний М. К. Демидовича является, пожалуй, маленький эпизод, в котором приводится диалог супругов Каптеревых, где жена просит мужа пропустить лекцию, поскольку у него повышенная температура, но, видя, что это бесполезно, настаивает лишь на том, чтобы Петр Федорович во время занятий не снимал пальто и шапку: в аудиториях очень холодно. В этой, казалось бы, бытовой зарисовке наглядно продемонстрирована гражданская позиция педагога-профессионала, для которого такие качества, как дисциплинированность, ответственность, долг, высокая требовательность к себе, не были абстрактными понятиями. Впоследствии этот фрагмент статьи Кузьмина многократно цитировался исследователями творчества П. Ф. Каптерева.

Выступление П. М. Кузьмина в центральной педагогической печати положило начало изучению творческого наследия, а также общественной, научной и педагогической деятельности выдающегося педагога, что впоследствии оформилось в новое направление в истории отечественной педагогической мысли – *каптереведение*.

В 50-е – первой половине 60-х гг. XX в. имя П. Ф. Каптерева постепенно обрело свое достойное место в исторической череде имен выдающихся педагогов. Самостоятельные статьи о нем появились в Большой и Малой советских энциклопедиях (1953; 1959), в Педагогическом словаре (1960), в Педагогической энциклопедии (1965).

Воронежские авторы также стремились внести свою лепту в изучение творчества и деятельности выдающегося педагога. Так, С. В. Винокуров и Т. С. Пчельников в своей небольшой брошюре посвятили П. Ф. Каптереву один из разделов. К сожалению, их очерк имеет ряд фактических неточностей. Так, авторы утверждали, что П. Ф. Каптерева «в 1919 г. <...> избрали профессором Воронежского государственного университета» [23, с. 28]. В действительности же он стал профессором ВГУ двумя годами позже (1921). Вообще, установление точной даты начала деятельности Каптерева в ВГУ оказалось процессом длительным. Так, П. М. Гапонов, автор исторического очерка о Воронежском университете, в кратких сведениях о профессорах, работавших в ВГУ, сообщал, что П. Ф. Каптерев «в ВГУ работал в 1918–1922 гг.», т.е. с самого основания университета в Воронеже [24, с. 126]. Автор, видимо, признавая неточность своей информации, страховался тем, что «личные дела профессоров 20-30-х гг. не сохранились» [там же, с. 116]. И это верно. Однако сохранились документы Острогожского уездного отдела народ-

ного образования, в частности Трехлетних педагогических курсов, заведующим которыми, судя по документам, П. Ф. Каптерев состоял до середины 1921 г. [25].

Хронологическую точность, касающуюся деятельности П. Ф. Каптерева в ВГУ, внес краевед А. И. Гайворонский. Основываясь на архивных данных, он также воспроизвел картину последних дней жизни Петра Федоровича и его похорон [10, с. 113–116]. Казалось бы, что ошибки, связанные с пребыванием Каптерева в Острогожске и Воронеже, устранены, точные даты установлены. Однако в переизданной в 1992 г. «Воронежской исторической энциклопедии» читатель опять встретился со старой информацией: автор так и не учел новых сведений, появившихся в исследовательских материалах о выдающемся педагоге и психологе, и продолжал, по-видимому, руководствоваться лишь статьей С. В. Винокурова и Т. С. Пчельникова [26, с. 116].

Через 60 лет после смерти П. Ф. Каптерева были изданы его «Избранные педагогические сочинения» (М., 1982). А. И. Гайворонский, приветствуя это издание, критически отозвался о вступительной статье, открывавшей том. Воронежскому краеведу особенно не понравилось, как П. А. Лебедев осветил деятельность П. Ф. Каптерева в Воронежской губернии. Говорить «о работе талантливого педагога в Острогожске, – писал А. И. Гайворонский, – в считанных строках – значит, сказать мало, вернее, почти ничего не сказать» [27]. Такое же замечание он сделал и по отношению к освещению воронежского периода жизни и деятельности Каптерева. Конечно, писал краевед, нельзя умалять достоинства работ по истории родного края, написанных не местными авторами, «но, вместе с тем, невозможно удержаться, чтобы не высказать одно замечание: нельзя писать эту историю на основе лишь отдельных, случайно встретившихся фактов, без глубокой вработанности в тему, без хорошего знания краеведческой литературы. Без этого история не будет объективной, безошибочной, полной» [там же]. А. И. Гайворонский также сожалел, что в «Избранные труды» П. Ф. Каптерева не была включена ни одна работа, написанная и опубликованная им в годы советской власти.

Критические суждения воронежского краеведа сыграли роль определенной стратегии в изучении творческого наследия выдающегося педагога и его деятельности в Воронежской губернии. Кропотливая и тщательная работа в архиве Воронежской области (где имеются в неплохом состоянии и необходимом количестве документы, касающиеся острогожского периода жизни П. Ф. Каптерева, и

материалы, отражающие деятельность педагога в Воронеже) позволила целостно, а не эпизодически описать и проанализировать профессиональную, общественную и научную деятельность классика отечественной педагогики в новых социально-политических и экономических условиях, сложившихся в стране после Октября 1917 г. Плодом работы с документальной информацией, хранящейся в областном архиве, стало первое монографическое исследование об этом периоде жизни выдающегося педагога [28]. Настоящей удачей для исследователя было обнаружение ранее не известной статьи Каптерева – «Последняя образовательная реформа», опубликованной в «Вестнике Воронежского губпрофобра». Вскоре она стала известна широкой педагогической общественности [13], как и первая публикация Каптерева [29]. Разумеется, оба эти сочинения ранее не были включены в библиографический список трудов П. Ф. Каптерева, поэтому потребовалась основательная работа по уточнению библиографии педагога. Ее необходимость обуславливалась еще и тем, что литература о П. Ф. Каптереве была представлена выборочно и ограничивалась 1975 г. [30]. Новая библиография П. Ф. Каптерева свидетельствует о том, что в новейшей истории России интерес к его творчеству и деятельности чрезвычайно возрос [31].

Усилия воронежских историков и краеведов не были напрасны: историческая справедливость по отношению к выдающемуся ученому П. Ф. Каптереву была восстановлена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Е. Г. [Гаршин Е.] Обзорение русских педагогических журналов // Русская школа. – 1890. – № 9.
2. Вахтеров В. П. Каптерев. Новая русская педагогика, ее главнейшие идеи, направления и деятели / В. П. Вахтеров // Образование. – 1899. – № 1. – С. 78.
3. Рубакин Н. А. Среди книг / Н. А. Рубакин. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Т. 2, ч. 2. – М., 1912.
4. ГАВО. – Ф. Р-1. – О. 1. – Д. 97. – Л. 16, 20 об.
5. Каптерев П. Ф. Статьи и рецензии 1918–1922 гг. / П. Ф. Каптерев // Заварзина Л. Э. Общественно-педагогическая деятельность П. Ф. Каптерева в Воронежском крае. – Воронеж, 2009.
6. Введенский С. Н. Памяти проф[ессора] П. Ф. Каптерева / С. Н. Введенский // Воронежская коммуна. – 1922. – 10 сент.
7. ГАВОФ. Р-1. – О. 1. – Д. 538. – Л. 107 об.
8. Демидович М. Профессор П. Ф. Каптерев / М. Демидович // Воронежская коммуна. – 1922. – 9 сент.
9. Письма С. Н. Введенского С. Ф. Платону / публ., вступ. ст. и комментарии Л. Э. Заварзиной // Воронежское лингвокраеведение : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2011.
10. Гайворонский А. И. Достоинство памяти потомков / А. И. Гайворонский // Записки воронежских краеведов. – Вып. 1 / сост. А. И. Гайворонский. – Воронеж, 1979.
11. Крупская Н. К. Рецензия («Педагогическая мысль» : общепедагогический журнал / под общ. ред. И. С. Симонова. – Пг., 1921. – № 1–4. – 144 с.) / Н. К. Крупская // Пед. соч. : в 6 т. – Т. 2. – М., 1978.
12. Каптерев П. Ф. Педагогика и политика / П. Ф. Каптерев // Педагогическая мысль. – 1921. – № 9–12.
13. Каптерев П. Ф. Последняя образовательная реформа / П. Ф. Каптерев // Педагогика. – 2005. – № 3.
14. Каптерев П. Ф. О педагогическом образовании / П. Ф. Каптерев // Педагогическая мысль. – 1921. – № 5–8.
15. Пинкевич А. П. Советская педагогика за десять лет (1917–1927) / А. П. Пинкевич. – Изд. 2-е. – М., 1927.
16. Медынский Е. Н. История педагогики в связи с экономическим развитием общества : в 3 т. – Т. 3 : Русская педагогика / Е. Н. Медынский. – М., 1929.
17. Медынский Е. Н. История русской педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции / Е. Н. Медынский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1938.
18. Большая советская энциклопедия. – 2-е изд. – Т. 20. – М., 1953.
19. Малая советская энциклопедия. – 3-е изд. – Т. 4. – М., 1959.
20. Джуринский А. Н. История педагогики и образования : учебник для бакалавров / А. Н. Джуринский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2011.
21. Кузьмин П. М. К вопросу о педагогических идеях П. Ф. Каптерева / П. М. Кузьмин // Советская педагогика. – 1940. – № 4–5.
22. ГАВО. – Ф. Р-33. – О. 3. – Д. 10987. – Л. 1.
23. Винокуров С. В. Видные русские педагоги в Воронежском крае / С. В. Винокуров, Т. С. Пчельников. – Воронеж, 1972.
24. Гапонов П. М. Воронежский государственный университет : краткий исторический очерк / П. М. Гапонов. – Воронеж, 1968.
25. ГАВО. – Ф. 1. – О. 1. – Д. 652.
26. Загоровский В. П. Воронежская историческая энциклопедия / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1992.
27. Гайворонский А. И. Избранные сочинения П. Ф. Каптерева. Вместо рецензии / А. И. Гайворонский // Новая жизнь. – Острогжск, 1982. – 23 дек.
28. Заварзина Л. Э. Общественно-педагогическая и научная деятельность П. Ф. Каптерева в Воронежском крае / Л. Э. Заварзина. – Воронеж, 2009.

29. Каптерев П. Ф. Слово о значении праздника в день святых Кирилла и Мефодия / П. Ф. Каптерев // Педагогика. – 2006. – № 6.

30. Лебедев П. А. Психолого-педагогическое наследие П. Ф. Каптерева : (Жизнь и деятельность :

аналитико-биографический и библиографический обзор) / П. А. Лебедев. – М., 1998.

31. Заварзина Л. Э. Педагогическое наследие П. Ф. Каптерева. Биобиблиография / Л. Э. Заварзина. – Воронеж, 2007.

Воронежский государственный педагогический университет

Заварзина Л. Э., кандидат педагогических наук, доцент

*Voronezh State Pedagogical University
Zavarzina L. E., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*